

По отношению к поэтическим «пробам пера» в практике литературоведческих исследований сложилось мнение об их второстепенности – ввиду художественной «незрелости» юношеских стихов состоявшихся авторов. «Юношеская лирика» – понятие оценочное, включающее понимание неизбежных «издержек» на пути освоения молодым автором искусства стихосложения. Вместе с тем можно ли отнести к «ученическим» стихам шедевры Т. Чаттертона и А. Рембо, В. Брюсова и А. Блока, написанные в юности?

Очевидно, что специфика юношеских стихов – в большинстве случаев – определяется на фоне последующих достижений. Образно-эмоциональная, духовная составляющие, поиск их языкового «адекватата» оформляются в зрелом творчестве осознанной. Среди ярких примеров долгого восхождения к подлинным поэтическим высотам выделяются творческие судьбы Р.М. Рильке, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой и многих других. Однако именно обращение к «первым стихам» даёт возможность уточнить картину эволюции, позволяет прояснить «тёмные места» в творчестве того или иного автора.

К поэтам, прошедшим все стадии поэтического «взросления», относится, безусловно, и «возвращённый» классик русской литературы Николай Гумилёв (ср.: «Он <Гумилёв – А.Б.> удивительно поздно раскрывается как большой поэт»¹). Указанная оценка относится к стихам первых сборников, отмеченных влиянием символистов в лице Брюсова, Иванова, Бальмонта, Блока, но фактически отнесена к сборнику «Путь конквистадоров» (1906). Есть и более ранние стихи, которые, действительно, «едва ли привлекут людей, искушенных в достижениях новой русской поэзии»², однако позволяют выделить особенности, в большой степени свойственные последующим периодам.

Мы попытаемся показать (на уровне текстуальных «переключек»), как стихотворения «кавказского цикла» предвзвешивают особенности зрелой лирики автора, обнаруживая изначальную целостность авторского видения. От вершин поздней лирики к началу пути – круг, уточняющий пони-

1 Иванов Вяч. Вс. Звёздная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева). // Гумилев Н.С. Стихи; Письма о русской поэзии / вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М., 1990. – С. 6.

2 Там же.

мание всех этапов творческого развития.

Стихотворения так называемого «кавказского цикла», написанные во время пребывания поэта на Кавказе (1900–1903 гг.) – одно из наименее изученных явлений в творчестве Н. Гумилева. Тексты «тифлисского альбома»³ не публиковались при жизни автора (единственное опубликованное произведение – появившееся в газете «Тифлисский листок» дебютное «Я в лес бежал из городов...» (1902) шестнадцатилетнего поэта) и, за редким исключением, не становились предметом специального исследования⁴. В стихотворениях Альбома обнаруживается набор элементов поэтической структуры (мотивы, образы, темы), которые можно рассматривать как образцы, предшествующие аналогичным элементам в контексте всей последующей лирики Н. Гумилева, чем обусловлен их особый статус.

В открывающем Альбом стихотворении «Я в лес бежал из городов...» отчетливо проявлено личностное начало: появляется некое «я», говорящее **о себе**:

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь *молиться я готов,*
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мне выпил мозг, мне выжег грудь.

Я страшный грешник, я злодей:
Мне бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «увы, я слаб!»,
Свои стремления задавил...

3 «Тифлисский альбом» – альбом Марии Михайловны Маркс (гимназической знакомой Гумилева), где записаны произведения, составляющие «кавказский цикл». Далее – Альбом.

4 Статья Л.Д. Хихадзе «Гумилев и Кавказ: К творческой биографии поэта» (Литературная Грузия, 1988, №12), а также комментарии к первому тому Полного собрания сочинений Н. Гумилева (1998).

Я страшный грешник, я злодей...
Прости, Господь, прости меня,
Душе изученной моей
Прости, раскаянье цена!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит, их влечёт борьба.

Меня ж, Господь, прости, прости.
Прошу я милости одной:
Больную душу отпусти
На незаслуженный покой ⁵.

В лирическом произведении «сюжет разворачивается не своим естественным путем, не первично, а отраженно, *через переживания героя* <...>»⁶, поэтому начать следует с описания характеристик того, **кто** говорит (в данном случае – **лирического героя**).

Психологический портрет героя стихотворения узнаётся в *романтическом контексте* с ярко выраженными лермонтовскими интонациями; ср.: «<...> Больную душу отпусти / На незаслуженный покой» и «<...> Я ищу свободы и покоя!» («Выхожу один я на дорогу...»). Коллизии его внутреннего мира воспроизводятся в подавляющем числе произведений всего Альбома, что, в свою очередь, предполагает наличие сознания **лирического героя «кавказского цикла»**.

Обозначим признаки, определяющие сферу героя и сюжет Альбома.

Уединенность. Ведущим мотивом становится *мотив одиночества*. Герой одинок, вырван из круга земных связей, погружен в мрачные размышления. Воспоминания ведут к самообличению, достигающему необычайных масштабов (ср.: «Я грешник страшный, я злодей» (дважды повторенное), «<...> Как раб, / Позорно струсив, отступил», а также заключительное «Меня ж, Господь, прости, прости»).

Строй переживаний героя «Я в лес бежал из городов...» отвечает

5 Курсив мой далее везде – А.Б. Стихи цитируются по следующим изданиям: Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М., 1998; Гумилев Н.С. Стихи; Письма о русской поэзии / вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М., 1990.

6 Сильман Т.И. Семантическая структура лирического стихотворения // Заметки о лирике. Л., 1977. С. 8–9.

«жанровой структуре элегии», в основе которой – «“застывшее” содержание надгробного плача». Элегия предполагает «одиночество героя, его обращение к прошлому, к отдаленному пространству, упреки и жалобы, адресованные к кому-то недостижимому, невидимому и неслышимому, в ней содержится подтверждение “Всеобщего Закона”, которому подчинен, но не желает подчиняться человек»⁷.

Указанный «регистр» восприятия⁸ ясно прочитывается в последующей лирике автора, о чем свидетельствуют программные тексты Гумилева; ср.:

И надо мною *одиночество*
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.
«Одиночество» («Жемчуга», 1910)

Я тело в кресло уравнию,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучили «вчера»
И не томили цепи долга <...>
«Ослепительное» («Чужое небо», 1912)

Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда,
Всё, что смешит её, надменную, –
Моя единая отрада.
«Я вежлив с жизнью современной...» («Колчан», 1916)

7 Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. М., 2007. – С. 72.

8 Следует также подчеркнуть значимость мотива *блуждания* (ср.: «Точно дух ночной *блуждаю*» («Я вечернюю порою над заснувшей рекою...»)), получающий активное развитие в зрелой лирике автора; ср:

<...> Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конец тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...

«Вечное» («Чужое небо»),

См. также «Стокгольм» («Костер»), «Заблудившийся трамвай» («Огненный столп»).

См. также «Пятистопные ямбы» («Колчан»), «Я и вы» («Костер», 1918), «Память» («Огненный столп», 1921) и др.

Пространственное измерение «внутреннего». Лирическая эмоция развернута на фоне естественной, нечеловеченной природы. Природное окружение формирует мощный импульс *самопознания*. Неслучайно в одном из стихотворений цикла («Вам, кавказские ущелья...») подчеркивается момент подобия «внутреннего» и «внешнего»: *«Как и вы <ущелья – А.Б.>, душа угрюма, / Как и вы, душа мрачна <...>»*. *Созависимость стихийного и личностного начал* отсылает к интуиции единства духа и материи, характерной для романтического типа мироощущения. При этом в результате соприкосновения с объектами природного мира активны, по преимуществу, *негативные* реалии внутреннего опыта.

Особый интерес представляет стихотворение «У скалистого ущелья», а именно – характер разработки мотива воспоминания: картины прошлого входят в сознание героя *извне*:

*И какие-то виденья
Все встают передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой.
Ближе, ближе подлетают,
Наконец, – о, страшный вид! –
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.
И как вглядываюсь ближе,
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья,
Молодую жизнь свою.*

Выдвигается план прошлого, от которого герой ценностно **отстранен**, и план собственно настоящего. Важную роль играет экспрессия *тревожности* как элемент интонационной окраски текста. Обращаясь к тексту «У скалистого ущелья...» нельзя не отметить связи по линии образов (видений) прошлого, воспринимаемых извне, со стихотворением «Память» сборника «Огненный столп» – одного из наиболее загадочных в творчестве поэта; ср.:

*Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня.*

Связь текстов корректирует понимание образов «я» («душ»), живших «в теле» героя «Памяти».

Восприятие природы в разнообразии ее проявлений – стихийном и магическом, подчиняющем и обращенном к личности – впоследствии заявит о себе в насыщенной символами экзотике «Романтических цветов» (знаменитое «Озеро Чад») и «Шатра», ср.:

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: *плыву я*
По какой-то большой реке.

С каждым мигом всё шире, шире
И светлей и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка.

«Мадагаскар» («Шатер», 1921)

Также в стихотворениях «Я и вы» (ср.: «И умру я не на постели <...> / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще <...>» («Костер»), «Леопард» («Огненный столп») и др.

Желание борьбы. Важной чертой лирического героя юношеских стихотворений Гумилева становится осознание необходимости *активной, волевой жизненной позиции*, «борьбы против мрака насилия и тьмы» («Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»). Помимо героя указанным качеством обладает и определенный круг людей, наделенных «пламенной душой» («<...> Их манит, их влечет борьба»). Однако в фокусе внимания – переживание *полноты личной ответственности* лирического героя. Отход от указанной модели поведения – борьбы – истолковывается как *преступление и грех* (ср.: «Я грешник страшный, я злодей»), диктующие необходимость вымаливать прощение у бога.

Обращенность к богу. Покаянные настроения, несколько отдаляющие тексты «кавказского цикла» от лермонтовской традиции, вносят индивидуальное звучание *мотива обращения к богу*: герой ищет *забвения в боге*, что получит отклик в позднейшем творчестве автора. Одним из ярких примеров реализации христианской линии творчества Гумилева является стихотворение «Пятистопные ямбы» (ср.: «Есть на море пустынном монастырь <...> / Туда б уйти, покинув мир лукавый <...>») сборника «Колчан».

В то же время в стихотворении цикла «Злобный гений, царь сомнений...» особое значение имеет *опыт отрицания*, предвещающий появле-

ние «нищепанской ноты» лирики Гумилева:

Вечно жить среди мучений, среди тягостных сомнений –
Это *сильных идеал*,
Ничего не созидаю, ненавижу, презираю
И блистая, как кристалл.

Тема **завершения земного пути**, занимая одно из центральных мест в цикле (ср.: «Когда ж покоем мне насладиться / В *сырой могиле* придет черед?» («На сердце песни, на сердце слезы...»)), с одной стороны, ограничена установкой на борьбу: «<...> Завидев светила свободы восход / *Я спокоен умру*» («Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»). С другой стороны, в христианской традиции представление о смерти связано с понятием греха – нарушения божественной воли, поэтому признание недостаточности своих сил (отход от идеала: «Все, что *продал я, прельстившись / На богатство и почет* <...>» («У скалистого ущелья...»)) требует соответствующих определений: «Я брожу как *охладелый труп*» («В шумном вихре юности цветущей...»).

Тема смерти раскрывается также любовной лирикой цикла, являя образ «подчинения-смирения». Герой отдан «таинственным очам», сияющим во тьме ночи («Во мраке безрадостном ночи...»), воодушевлен безответной любовью («Я песни слагаю во славу твою...»). В последнем случае обращают на себя внимание образы соловья и розы («Так *раненный в сердце шипом соловей / О розе-убийце поет все нежней / И* плачет в тоске безнадежной <...>»), много позже воспроизведенные в сборнике «К синей звезде» («Однообразные мелькают...»)⁹.

Романтическим сознанием конструируется образ смерти, отражающий масштабы духовной активности. Называние смерти – один из наиболее разработанных мотивов Гумилева. В качестве примера можно привести тексты различного времени написания: «Смерти» («Романтические цветы»), «Завещанье» («Жемчуга»), «Птица» («Колчан»), «Рабочий», «Утешение» («Костер»), «Леопард» («Огненный столп») и др. Ср.:

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и *панихиду по мне*.

«Заблудившийся трамвай» («Огненный столп»)

9 Сборник «К синей звезде» (1923) включает стихотворения 1917 года, записанные в альбом Елены Карловны Дюбуше, парижской знакомой поэта.

В объединяющем контексте «кавказского цикла» оказываются божественное и земное. Формируется *антитеза*, в условиях которой напряженность переживаемых противоречий содержит потенциал целостного «охвата» действительности. Открытие идеала на земле, его непреложность и недостижимость, обращенность к вере как следствие бессилия, уход в «бесстрашие» («сырую могилу») и обретение «высшего» дают импульс *поэтике поиска* как регулярной основы поэтического видения. Романтизм юношеской лирики Гумилева, демонстрируя «игровой» («массочный») характер¹⁰, приобретает в зрелом творчестве абсолютно индивидуальные черты.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о наличии преемственной связи на всех этапах эволюции лирики автора: от юношеских стихотворений до поэтических вершин позднего периода. Голос автора в стихотворениях Альбома отдан лирическому герою, внутренний мир которого основан на противоречиях, решение их предложено всей последующей лирикой Н. Гумилева. Цикл объединяет традиционное и индивидуальное, намечая дальнейший вектор художественного освоения реальности.

*Выпускник филологического факультета
Иркутского государственного университета
Анатолий Бичевин*

10 В чем видятся истоки гумилевской фантастики 1903-1910 годов («Я конквистадор в панцире железном...», «Я долго шел по коридорам...», «Следом за Синдбадом-Мореходом» и др.).